

Я ПОБЫВАЛА в Пермском драматическом театре после пятнадцатилетней разлуки, время которой при нынешней девальвации всего и вся, в том числе и времени, можно было бы смело множить на три, как на войне. Одно, правда, всецело надеждо: во главе театра вот уже более четверти века стоит Иван Тимофеевич Бобылев — человек, многое сделавший для развития современного отечественного театра.

Иван Тимофеевич, а почему вы на афишах театра по-прежнему указываете: «Народный артист СССР, лауреат Государственной премии»? Ведь очень многие из ваших именитых коллег как-то в одночасье упразднили свои именитые звания.

— Я немало прожил на свете, честно трудился, не искал легких путей и престижных мест, был горд, когда удостоился чести именоваться народным артистом Советского Союза. С какой стати я стану предавать и перечеркивать свою собственную жизнь?

— Но посмотрите, сколько еще недавно почтало нас деятелей театра и кино стали организовано похвалять власти имущих в печати и по телевидению, словно бы не замечая, а какую ужасающую бездну падает страна?

— Я сожалею о том, что мой список друзей и просто порядочных людей несколько поубавился. Это для меня, понимаете ли, процесс необратимый. Надеюсь, что многим из них стыдно, хотя бы наедине с собой.

— Сегодня, когда подавляющее большинство наших соотечественников ощутили за чертой бедности, что может театр предложить людям?

— Не надо обладать особой проницательностью, чтобы заметить: человек стал более ранним в своих реакциях на то, что с ним происходит. И, думаю, одна из главных причин — потеря общественных идеалов, которые сегодня настолько разрушены и скомпрометированы, что каждый человек вынужден создавать для себя собственный идеал, спасаться душевно в одиночку.

Расстояние между добрым и дурным поступком становится все короче. Если раньше этот путь был связан с определенной духовной перестройкой, осознанием совершаемого греха, нередко с муками покаяния, то теперь он как бы программируется официальной действительностью, совершается беззаботно и даже, напротив, вызывается нередко в необходимости.

Из-за всего этого задача театра — выявлять тайны души человеческой — по сравнению с предыдущими годами намного усложнилась.

— Как же театр раскрывает человека?

— Сегодня для этого применяется очень много самых разнообразных способов и приемов. Но как бы смелы они ни были, на какую бы сверхоригинальность ни претендовали, опасность упрощения до диллантского развращения чрезвычайно велика. В одной из постановок «Вишневого сада» Раневскую изображают опустившейся особой, наркоманкой, истеричкой. Наверное, это можно назвать болезненным

нальным состоянием современного человека.

ОТ СПЕКТАКЛЯ к спектаклю я прониклась убеждением, что мысли, высказанные Иваном Тимофеевичем, — не просто смелая декларация, а естество его жизни, творческой деятельности, руководимого им театра даже тогда, когда его имя как постановочное не значится в афише.

Пьесы «Правда хорошо, а счастье — лучше» Островского поставил М. Галант. Ну чем, кажется, сегодня, в нашем отечественном Вавилоне, где огненные слова «мене тэкел фарес», предвещающие всеобщую гибель, загораются перед каждым с минуты на минуту, могут нам по-

ское мастерство, не уступающие корифеям Малого театра. Этот дар божий настолько щедр и разлителен, что рядом и молодые исполнители — студенты Пермского института культуры и искусства Ольга Пудова (Поликсена) и Вадим Некипелов (Платон) буквально расцветают на глазах, преодолевают изначальную скованность.

Первое появление Платона сразу разрушает хрестоматийные каноны: внешность у него скорее характерная, чем амплуа красавца героя. Поначалу даже удивляешься, чем покори он очаровательную своераннюю Поликсену. Но по ходу событий в нем открываются такая душев-

желтой прессы.

Ларион Рыдлов, графоман-миллионщик, фигура одновременно и смешная, и жалкая, и драматичная. Кое-какие знания, которых он поднабрался в университете, образовали в его голове чудовищную кашу и глубочайшую убежденность в собственном писательском таланте.

«Я желаю написать серию очерков в смысле анализа современного общества. Ведь от нас, «третьего сословия», теперь вся Россия ждет спасения. Ну-ка, мол, вы, миллиончики, обнаружьте ваш духовный капитал. Прежде дворянство давало писателей, а теперь уж, извините, наша оче-

агрессивность, то вдруг ошеломляет наивной искренностью.

СТРАННУЮ КОМЕДИЮ Семени Лобозерова «Семейный портрет с посторонними» поставил сам Иван Тимофеевич Бобылев. К этой работе большого мастера в полной мере относится выражение «смех сквозь слезы». Действительно, сюжет несколько фантастичен. Незадолго до (Торошенко) ухажер симпатичной Тани приводит к ней в дом худощавую-постылаящую, а заранею ревную ее к городскому гостю, сообщает домохозяину, будто Виктор только что из «психушки» и надо держаться от него подальше.

Ему же он на всякий случай то же самое говорит о хозяйках: Тимофее (Е. Шальников), Катерина (Ю. Найдина) и Бабке (Л. Мосолова). И снова счастье встречи с этим изумительным дуэтом. Лидия Владимировна недопражаема. Гомерический хохот вызывают не только реплики ее Бабки, но даже паузы, которые она держит.

Шальников играет ее сына — железнодорожника, пребывающего весь спектакль в постели по случаю травмы ноги. Чтобы поднять дух, он потребовал от домашних устроить праздник по случаю собственных именин, волею которых и развивается события.

На глазах у зрителей разыгрываются леденящие душу события, когда настроенные соответствующим образом люди видят друг в друге чуть ли не потенциальных убийц. Гость баррикадируется в своей комнате. Бабка запирает его снаружи, а Тимофей требует подать ему топор. Вроде бы явная комедия положений, написанная Лобозеровым в оригинальном стиле. Но постановка на сцене кажется все слышнее звучать как-то тревожная, не лишняя печали нота. Да в кого же вы превратились, люди добрые? Вы на самом деле ведь и вправду добрые, гостеприимные, работающие, мудрые.

Меняется времен суверенитет. Ветшают старые слова. Талант — единственная новость. Которая всегда нова.

Я покидала Пермь со страстным желанием, чтобы эти прекрасные спектакли увидели москвичи, чтобы получили и они в этот, далеко не радостный, еще более переходный, чем прежние, этап жизни глоток свежего жизнеутверждающего искусства, проникнутого любовью к человеку, заботой о тайниках его души.

Ирина ПИРГОВА.

Талант — единственная новость

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

шоком, к которому нынче так охотно прибегают и в политике, и в экономике, и в искусстве. Но истинное искусство ставит своей сверхзадачей катарсис — очищение. И Чехов все равно писал об иных людях, у которых были совсем другие, быть может, просто неведомые нам понятия о достоинстве и чести, о радостях и муках. Вот эта примитивная адаптация, стремление облить неразгаданные характеры из непонятного сейчас времени с соседями по коммуналной квартире, очереди к замочной скважине приводит к сценической пошлости на потребу нуворизма.

А между тем внутренний мир сегодняшнего человека настолько усложнен и замкнут, что раскрыть его, добраться до тайников душевных очень трудно. И эта проблема, мне кажется, требует для разрешения от каждого театра своего определенного мировоззрения, целого комплекса знаний, умений, культуры и, возможно, даже другого качества таланта.

Но при этом нельзя выбрасывать как ненужный хлам, тот опыт, который накоплен театром за последние 150 лет. Разумеется, развивая его применительно к другим условиям жизни, психологическому, эмоцио-

мочь патриархальные персонажи из того купеческого мира, далекой старины?

Но поскольку на сцене люди не играют, а живут, то силой своего таланта они волевают нас в эту жизнь, превращают нас в беспристрастного зрителя в соучастника, сопереживателя героев спектакля, в которых таким чудесным образом, как и в каждом из нас, намешано и хорошее, и жестокое, и наивное, и смешное, и до глубины души трогательное — словом, вечное.

Вроде, правда в благополучном финале Мавра Тарасовна Барбашева, говоря, что правда хорошо, а счастье — лучше. Но всей своей логикой, всем своим естественным спектаклем утверждая: так-то оно так, да ведь без правды и счастья не бывает.

Классика потому и классика, что во всякое время в ней можно найти ответы на животрепещущие вопросы. Особенно в таком талантливом, ярком исполнении. Тон спектаклю задают ведущие мастера театра народная артистка СССР Л. Мосолова и народный артист России Е. Шальников. Дуэт Мавры Тарасовны Барбашевой и Силы Ерофеевича Грознова воистину ослепителен. В нем и искрометный юмор, и неповторимый народный колорит, и великое актер-

ная глубина, сила драматизма, пылкий темперамент, которые сообщают образу Платона чрезвычайную убедительность и симпатию.

С Шальниковым я познакомилась в прошлый свой приезд, крепкая крижистая его фигура излучала добрую силу. А нынешний его Грознов несколько прихрамывал и опирался на массивную палку. Сначала показалось, что это актерские детали персонажа — ведь раньше-то в жизни он не хромотал.

А потом я узнала, что во так давно артист пережил тяжелейшее испытание. Где он только не лечился, у каких специалистов не побывал, в продолжение все ухудшалось. Почти три года Евгений Михайлович был прикован к постели, но не сдавался. Все это время рядом с ним были товарищи, поддерживали бодрость, веру в то, что он все равно вернется на сцену. Все вместе они победили страшный недуг. Теперь он играет на протезе, но по-прежнему неутомим, жизнедающ, талантлив.

ПОЧТИ СТО ЛЕТ назад написал Александр Южин свою комедию «Джентльмены». Но если не знать об этом, то покажется, будто это беспощадная, унылая ирония в адрес нынешних лавочников и расплывчатых лжеу-

Во-первых, за нами свежесте природы. Мы не выроились, как дворяне. Во-вторых, обеспеченность — это тоже важное условие: творить человек может только на свободе. А какая же это свобода, ежели у человека — пардон! — и подметки даже заложены? Наконец, я так свою книгу издам, что одной внешности всякого ушибу. Вот и выходит, что сливки-то общества терять мы. Дудки! Нас уже не затрещ. Теперь вокруг капитала «все скончен-три-ровано».

К счастью, Рыдлову повезло меньше, чем издателям нынешних газет легкого жанра и поведения. Не разрешили зазвучать его «Эху».

Актуальность «Джентльмена» расцвечена великолепной режиссерской работой Александра Володина, его богатой фантазией. Оригинальными и уместными выглядят использованные в мизансценах приемы немого кино, яркие пластические находки. Свежа и выразительна сценография Елены Соловьевой.

В этой сценической работе нет «черно-белых» героев, каковыми они могли бы показаться при беглом чтении пьесы. Михаил Гасенегер виртуозно играет Джентльмена. Он то потешает нас своим дремучим диллантизмом, то притворяется потаенную